

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
Филиал в г. Северодвинске Архангельской области
Гуманитарный институт

Международная академия наук педагогического образования

**ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Сборник научных трудов

Выпуск 7

Москва

2015

семантические приращения и трансформации, транслирующая специфику когнитивной деятельности языковой личности» [Фадеева, 2014, с. 37–38].

Книга получает авторские характеристики по двум ключевым основаниям: внешнему виду и содержанию или характеру восприятия.

КНИГА. *О внешнем виде*. Малоподержанная (Достоевский), свежеизданная (М. Тарковский), старинная-растрепанная (Рубина), старопечатная (Ильф), тысячелистая (Маяковский).

О содержании, характере восприятия. Безумно-оплаканная (Цветаева), боготпротивная (Виноградов), вольнодумная (Виноградов), долгожданная (Нагибин), древлеписьменная (Шергин), душеполезная (Мережковский), душеспасительная (Мельников-Печерский), малоувлекательная (Улицкая), многоротая (Клюев), недружелюбная (Шаламов), новополученная (Л.Н. Толстой), отчаянно-мрачная (Гаков), политико-экономическая (Л.Н. Толстой), пустотелая (Мандельштам), рекламно-подарочная (Астафьев), святоотеческая (Мельников-Печерский), хитросплетенная (Тургенев) [Фадеева, 2014, с. 125].

Данное тропеическое средство позволяет максимально полно раскрыть читателю авторское восприятие репрезентируемого предмета и охарактеризовать его значимость. «Чувства, эмоции, оценки как особенности мыслительно-психической деятельности самого автора в фокусе избранного определения становятся для адресата <...> конкретизированными, то есть обретают определенность и историко-культурную ценность» [Леденёва, 2015, с. 170–171].

Концептуальный характер книги выявляется и при обращении к развернутой речевой практике. Контекстные партнеры оказываются тем катализатором, который выводит на первый план ценностную составляющую анализируемого феномена, образный потенциал и репрезентирует самые разные функции книги в жизни человека. Реализация данной лексемы в речи носителей языка свидетельствует о значительном расширении ее семантического объема, когда книга воспринимается языковой личностью как:

– времяпрепровождение: *А я думала: заменяет ли этот блеск и шум тихие, но продолжительные домашние удовольствия, дружеские общества, приятные прогулки, занимательные книги?* (Неизвестный. Модест и София);

– друг или собеседник: *Книги – друзья бескорыстные, друзья неизменные – вы одни утешали, укрепляли меня на терновом пути моей жизни!* (А.А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах);

– живой организм: *Ужаснее всего были книги. Они словно размножились сами собой. Они были всюду: большие и маленькие, переплетённые и мягкие, старые и новые. В сущности, настоящими жильцами квартиры были книги, а люди только так* (И. Грекова. Под фонарем);

– иной мир, противопоставленный реальному: *А бывает два настоящих лица в одном? В книгах бывает, в жизни – нет* (И. Грекова. Под фонарем);

– знание, образование: *Настоящее образование приходит сейчас не из официальной системы, а из катакомб: из запрещенных и забытых книг <...>* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль);

– опыт: *Над классикой же подолгу задумывался, поднимая голову и рассеянно шаря глазами по окружающему, как бы желая найти то, что было в книге* (А. Слаповский. Синдром Феникса);

– материальная ценность: *Книга была невиданно роскошной, отпечатана в трехстах пронумерованных экземплярах и снабжена дарственной надписью издателя* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Книга оказывается тем мериллом, по которому оценивается и сам человек. Прямая взаимосвязь выстраивается между книгой и тем, кто ее читает или не читает (Ср.: О Манилове: *В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года* (Н.В. Гоголь. Мертвые души.). Об Обломове: *На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно <...>* (И.А. Гончаров. Обломов.). Выбор же книги героем может быть рассмотрен как своего рода способ декодирования личности, и подобный прием характеристики персонажа оказывается частотным в русской литературе – он позволяет автору дать лишь намек, по которому думающий читатель сам выстроит причинно-следственную связь.

В условиях перехода к электронной, экранной культуре роль книги в жизни социума несколько меняется. Последние десятилетия, отмеченные всплеском развития технического прогресса и средств связи, сделали доступным и легким получение информации, однако привели и к изменению ее переработки сознанием. Быстрота и отрывочность получаемых сведений посредством Интернета, новостных каналов зачастую не предполагают анализа со стороны получателя: представляется визуальный объект, который сопровождается готовым пояснением. Объем информации оказывается в разы больше того, что получал человек еще 20–30 лет назад. Ограниченность времени на осмысление приводит к сжатию или отсутствию развития целостного восприятия окружающего мира, не успевают возникнуть и полноценно «пережить» одни эмоции, как их сменяют другие.

Процесс же взаимодействия человека и книги – это сложная работа души и сознания, требующая сосредоточенности и внимания, стимулирующая аналитическое и образное мышление. Для русского человека книга была и продолжает оставаться источником духовного развития и совершенствования, что веками определяло специфику нашей культуры и нашло отражение в языке. Растянутое во времени чтение книги предполагает не использование навязанного извне, а создание собственного видения ситуации или картинки на основе субъективного восприятия авторского текста. Книга традиционно была и остается хранителем памяти – еще одной аксиологической доминанты русской культуры, и потому книге отводится в жизни человека и общества исключительное место. Книга активизирует рефлекссию и участвует в формировании системы вечных ценностей, наследование которых сохраняет самоидентификацию личности и не зависит от воздействия продуцируемых в массовом сознании псевдоидеалов общества потребителей. Эти факторы не только определяли в прошлом, но и сохраняют в дальнейшем ключевое место когнитивной доминанты *книга* в русской языковой картине мира.

Библиографический список

- Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
Леденёва В.В. Прецедентное имя Лермонтов в текстах Н.С. Лескова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2014. № 4.
Леденёва В.В. Слово Лескова. М., 2015.
Фадеева Т.М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. М., 2014.

Словари

- Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 8. М., 2007. (В тексте – БАС.)
Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.
Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова и др. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (В тексте – РАС.)
Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. 1980. (В тексте – СРЯ XI–XVII.)
Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 2005. (В тексте – СССРЯ.)
Солганик Г.Я. Стилистический словарь публицистики. М., 1999. (В тексте – Солганик.)
Фадеева Т.М. Словарь сложных эпитетов русского литературного языка. М., 2014.

УДК 821.161.1-31
ББК 81.411.2

Е.Г. Хомчак, И.М. Черненко

АРХЕТИПЫ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА ДОРОГА

Репрезентируется опыт анализа одного из ключевых для русской ментальности концептов – концепта *дорога*; определяются особенности его мифологического наполнения; выясняются языковые средства объективации концепта *дорога*.

Ключевые слова: концептуальная модель, концепт, архетип, символ.

Elena G. Khomchak, Irina M. Chernenko

ARCHETYPE-REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT ROAD

The article deals with the analysis experience of one of Russian mentality key concept – the concept *road*. The peculiarities of its symbolical content have been defined. The language means of objective representation of the concept *road* have been found out.

Keywords: conceptual model, concept, image, symbol.

В разные эпохи в культурах разных народов архетип воссоздает первичные, сущностные элементы ментального опыта человечества. Как общекультурная модель архетип скорее задает некую парадигму развития, нежели дает готовый, завершённый образец. В современной научной мысли прослеживается тенденция к определению архетипа через концепт. По убеждению А.Ю. Большаковой,

архетип – «это *первичный* концепт, определяющий сущностное развитие человеческой цивилизации» [Большакова, 2012, с. 11]. Если концепты проявляют себя более конкретно и, согласно Ю.С. Степанову, так сказать, в «дробном» виде, то архетипы обладают гораздо более общими, фундаментальными свойствами. Но, несмотря на свое тяготение к всеобщности и универсальности, архетип, несомненно, входит в сферу концептов как выразителей национальных ценностей.

Концепт *дорога* как один из «вечных» общечеловеческих образов культуры, в первую очередь, привлекает внимание исследователей своей внутренней глубиной. Он архетипичен: вся совокупность понятий, образов, символов, мифов, связанных с универсумом *дорога* является базой для его концептуализации.

Концептуализация *дороги* в русской культуре и литературе имеет длительную традицию от времен «Слова о полку Игореве» и до наших дней. Фольклористика разных жанров располагает огромным пластом накопленных текстов, актуальных среди странствующих людей. Русская средневековая литература – это «хождения» паломников, священнослужителей и купцов в Палестину, Византию, Египет, Италию и Индию; XVIII век – это «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева; XIX век – «Письма русского путешественника» Н. Карамзина и т.д. Русские, по выражению Т.Б. Щепанской, – это «движущийся этнос с самосознанием оседлого» [Щепанская, 2003, с. 8].

Изучение мифологического слоя лексемы-архетипа предполагает поиск первичной информации, скрытой в недрах многовековой памяти. Ощутимую помощь в реконструкции архетипичного слоя концепта *дорога* оказали данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля, ориентированного, в первую очередь, на отображение народной лексики и фразеологии. По В. Далю, на Руси издавна существовали *дорóжные*, то есть проезжие люди, путники – «дорóжный, к дороге относящийся, принадлежащий» [Даль, т. 1, с. 1177]. В этой семантической связке упоминаются однокоренные словообразования – *дорóжник* (дневник для путевых записей) и *дорожняки́* (лошади, пускаемые впереди обоза для обминки снега) [Даль, т. 1, с. 1178].

К *дорóжным* относились разного рода *странники*. Архетипичная лексема *странник* соотносится со значением глагола *странить* (шляться, шататься праздно, бродить по сторонам) [Даль, т. 4, с. 565]. В отличие от *странника* у лексемы *странствователь* обнаруживается несколько иное семантическое наполнение – путешественник, вояжор, разъезжающий сухопутно или морем по разным странам, по чужбине, по чужим странам [Даль, т. 4, с. 566].

Культурно-национальные установки обычно не носят абсолютного характера, что находит свое подтверждение в амбивалентном статусе лексемы *странник* в мифологическом и фольклорном дискурсах. *Странника* часто идентифицировали и с нечистой силой (леший, колдун), и с божественной силой. Одна из форм самоидентификации «божественного» – рассказы странников о святых местах. Фольклор фиксирует легенды о святых угодниках, странствующих в образе нищих. Отсюда характерные статусы *странника* как *паломника* или *божьего человека* (убогого, нищего), а в некоторых случаях его принимали за

пророка. Это амбивалентные формы образа «вечного» *странника*, хранимые в мифологических слоях цивилизации. На концептуальном уровне о явлении *странничества* можно говорить как о древнейшем архетипе.

Лексема *странник* выступает в одном синтагматическом ряду со словами *бродяга, скиталец. Бродяга, бродила, бродень, бродяжник* – беглый шатун, скиталец, кто произвольно, без права и письменного вида, покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь по чужбине. Лексема соотносится со значением глагола *бразживать* (ходить по разным направлениям, *шататься, слоняться*) и именами существительными *бродница* (слякоть) и *бродня* (ходьба без дела туда и сюда, *праздное шатание*) [Даль, т. 1, с. 316–317]. *Скиталец, скитала, скитун* – кто не живет оседло, бездомный, бесприютный шатун, чуждающийся своего дома; соотносится со значением имени прилагательного *скитуций* (кочевой) и глаголом *скитаться* [Даль, т. 4, с. 185–186].

Выразительным «архетипическим символом» (термин Э. Райта) *дороги* и знаком статуса *странника* является *посох* – *посошок* (от *соха, сошка* – жердь) – палка путника, трость, батог, бадиг, батажок, подпиралка, жезл, клюка (*посох* клюкою, либо с костылем), *попутник* [Даль, т. 3, с. 885]. Фразеологизм *взяться за посох* несет в себе значение *пуститься в путь*. Прямая функция *посоха* – расширение площади опоры для повышения устойчивости путника; *посох* старорусских странников был оснащен острым наконечником для упора по льду. С этой функцией *дорожного посоха* связано и его символическое значение духовной опоры. Посохом, опорой на тяжелом жизненном пути издавна на Руси была вера и молитва. Подобное значение вполне устойчиво в народном сознании: *Молитвой как посохом подпираемся* [Даль, т. 3, с. 886].

Символическим наполнением отличается лексема-архетип *порог* как первая граница, которую пересекает *путник* в самом начале своего передвижения. *Праг, порожек, порожшика, порожшица* – поперечное возвышение, гребень, брус, приступок, уступ, препона [Даль, т. 3, с. 829]. *Дорога* издавна в русской традиции связана с *порогом*: выходящий в дорогу человек всегда минует *порог*, приостанавливаясь на нем. Провожая нежеланных гостей, в старину приговаривали: *Добрый путь, да к нам больше не будь. Вот порог на семь дорог. Вот тебе Бог, а вот тебе порог* [Даль, т. 3, с. 830]. С *порогом* связано множество народных суеверий: *Гостя встречай за порогом и пускай наперед себя через порог. Через порог не здороваются. Через порог руки не подают* и т.д. [Даль, т. 3, с. 829–830]. *Порог* отделяет бытие от инобытия, открывает путь к глубинному соотношению двух концептуальных смыслов – *дорога / дом*.

В русской традиции *дорога* получает свою определенность, прежде всего, по отношению к *дому*, как его противоположность. Многие современные исследователи отмечают сочетание двух противоположных комплексов, двух разных полюсов – *дороги* и *дома* [Хренов, 2002; Лассан, 2003 и др.]. Между тем, *дорога* в отличие от *дома* имеет свои собственные закономерности, отмеченные в русской культурной традиции. Не зря ведь в народе говорят – *Дороги к избе не приставишь* [Даль, т. 1, с. 1177].